

А. С. ДЕМИН

Послесловие к первопечатному Апостолу Ивана Федорова 1564 г. как литературный памятник

За последние 10—15 лет явно усилился интерес к поэтике и стилистике древнерусской литературы. Одним из проявлений этого интереса является обращение исследователей к вопросу о значении для истории древнерусской литературы материалов нелитературной или «окололитературной» письменности. Литературоведческое «освоение» смежных и даже далских от литературы областей древнерусской письменности до сих пор шире всего было предпринято по отношению к публицистике (работы Я. С. Лурье) и деловой письменности (работы Л. А. Назаревского, В. В. Данилова, Н. Ф. Дробленковой, М. Д. Каган); менее широко охвачена эпистолярная и учебная письменность (работы А. С. Демина, В. И. Лукьяненко). Недостаточно обследованной областью остаются русские старопечатные книги в их отношении к литературе древней Руси.

Литературное значение русской печатной продукции XVI—XVII вв. еще предстоит выяснить. Не ясны и аспекты этой темы. Но о том, что намечаемая тема достаточно велика, можно судить на примере предисловий и послесловий к старопечатным книгам. Если иметь в виду русские печатные книги XVI—XVII вв., то предисловия и послесловия к ним, почти совершенно не изученные с литературной точки зрения, составляют около пятисот отдельных текстов и, собранные вместе, могут составить толстую книгу. Таков основательный массив этих произведений, тем более ценных, что на фоне печатной продукции средневековой Москвы, в ряду бесконечных апостолов, миней, часовников, псалтырей и прочих церковных книг предисловия и послесловия относятся к текстам более или менее светского содержания.

Однако с тех пор как 130 лет назад П. М. Строев издал — с сокращениями — большое количество русских старопечатных предисловий и послесловий,¹ к этому своеобразному жанру почти никто не обращался. Исключение составляет лишь статья общего характера И. Баса, в которой исследователь рядом примеров из текстов иллюстрировал мысль о публицистическом характере послесловий Франциска Скорины, Ивана Федорова, послесловий к некоторым южнославянским изданиям XVI в. и московским XVII в.²

В одной статье невозможно дать удовлетворительную литературную характеристику всем русским старопечатным послесловиям и предисло-

¹ П. Строев. 1) Обстоятельное описание старопечатных книг славянских и российских, хранящихся в библиотеке... Федора Андреевича Толстова. М., 1829; 2) Описание старопечатных книг славянских, находящихся в библиотеке... Ивана Никитича Царского М., 1836.

² И. Бас. Предисловия и послесловия старопечатных книг. — Исторический журнал, 1941, № 4, стр. 54—57.

виям. Естественно начать изучение послесловий со знаменитого первого печатного послесловия на Руси, которое появилось в Апостоле Ивана Федорова в 1564 г. Упоминания об этом послесловии в научной и научно-популярной литературе, можно сказать, необозримы, как, впрочем, и о самом Иване Федорове. Однако нельзя не заметить, что послесловие в первопечатном Апостоле интересовало ученых преимущественно с точки зрения сообщаемых в нем исторических сведений о подготовке и выходе книги. В частности, оживленно обсуждался вопрос о датах организации книгопечатания в Москве, указываемых федоровским Апостолом.³

Я не буду останавливаться на полемике по этому поводу, так как меня интересует другой вопрос — он до сих пор, к сожалению, даже не ставился, — вопрос о месте в древнерусской литературе, которое занимает послесловие к Апостолу Ивана Федорова 1564 г. как произведение, имеющее относительно самостоятельную ценность.

За последние сто лет исследователи, чаще мимоходом, чем специально, касались вопроса об источниках и авторе послесловия к федоровскому Апостолу. В 1872 г. В. Е. Румянцев, археолог и одновременно инспектор Синодальной типографии, опубликовал сборник снимков с русских старопечатных изданий, сопроводив его предисловием, которое является одной из самых содержательных работ об Иване Федорове.⁴ При желании можно усмотреть даже некую иронию судьбы в том, что важные сведения о старопечатных послесловиях и предисловиях через триста лет были сообщены в предисловии же.

В. Е. Румянцев указал на заимствования в послесловии к первоначальному Апостолу из слов Максима Грека.⁵ Вскоре после В. Е. Румянцева П. В. Владимиров в одном из подстрочных примечаний к своему большому исследованию о деятельности славянского первопечатника белоруса Франциска Скорины упомянул о сходстве между послесловием федоровского Апостола 1564 г. и послесловием к Молитвослову 1520 г., изданному в Венеции черногорским эмигрантом Божидаром Вуковичем.⁶ Характерно, что упоминание о столь интересном сходстве было сделано в примечании. Этим основная литература об источниках послесловия к федоровскому Апостолу в сущности исчерпывается.

В дальнейшем делались лишь небольшие дополнения к наблюдениям В. Е. Румянцева и П. В. Владимирова. Так, уже упоминавшийся И. Бас кратко перечислил южнославянские и венецианские издания 1494—1552 гг., послесловия которых близки к московскому Апостолу 1564 г.⁷ Академик А. С. Орлов привел еще одно место из сочинений Максима Грека, сходное с фразой в федоровском послесловии.⁸

Гораздо важнее, на наш взгляд, то обстоятельство, что за последнее двадцатилетие была предпринята попытка найти не только прямые источники послесловия к Апостолу Ивана Федорова 1564 г., но и связать его

³ Некоторые из последних работ, затрагивающих эту тему: М. Н. Тихомиров. Начало книгопечатания в России. — В сб.: У истоков русского книгопечатания, М., 1959, стр. 13—20; Е. Н. Немировский. Возникновение книгопечатания в Москве. Иван Федоров, М., 1964, стр. 283—285.

⁴ См.: В. Е. Румянцев. Сборник памятников, относящихся до книгопечатания в России, вып. I, М., 1872.

⁵ См.: там же, стр. 6, 10.

⁶ См.: П. В. Владимиров. Доктор Франциск Скорина. Его переводы, печатные издания и язык. — ОЛДП, вып. 90, 1888, стр. 174, прим. 2.

⁷ И. Бас. Предисловия и послесловия, стр. 54, прим. 2.

⁸ А. С. Орлов. К вопросу о начале печатания в Москве. — В сб.: Иван Федоров первопечатник, М.—Л., 1935, стр. 18.

со стилистически сходными древнерусскими произведениями. Впервые это сделал академик А. С. Орлов, специально не ставя такой задачи, но занимаясь поисками возможного автора послесловия к федоровскому Апостолу. «Едва ли Иван Федоров или Петр Мстиславец могли составить текст такого замечательного Послесловия, — писал А. С. Орлов. — Не принадлежит оно и Афанасию, который был митрополитом после Макария; в литературном отношении он был неизвестен. Строгая официальность тона как будто позволяет здесь видеть творчество митрополита Макария, осторожные послания которого не противоречат стилю Послесловия. Впрочем, подобный текст мог заготовить и Сильвестр».⁹ Вот главная аргументация академика А. С. Орлова и, что интереснее для нас, тот круг памятников, с которым он связывал это знаменитое послесловие. К сожалению, А. С. Орлов этим и ограничился.

Сравнительно недавно академик М. Н. Тихомиров указал еще на один памятник XVI в. — Стоглав, формулы которого имеют сходство с некоторыми выражениями послесловия 1564 г.¹⁰ Более подробно это сходство было прослежено Е. Н. Немировским, но лишь в связи с вопросом об Иване Грозном как инициаторе русского книгопечатания.¹¹

Таким образом, вопрос о литературном месте послесловия к федоровскому Апостолу 1564 г. не ставился, но ряд материалов на эту тему уже накоплен.

Прежде всего рассмотрим характер заимствования послесловия из Молитвослова Божидара Вуковича в послесловии первопечатного русского Апостола. Послесловие венецианского Молитвослова 1520 г. наиболее близко к федоровскому; послесловия же в остальных славянских изданиях, упомянутых И. Басом (цетиньском Осмогласнике 1494 г., венецианском Служебнике 1519 г. и белградском Четвероевангелии 1552 г.), если и сходятся с федоровским, то лишь отдельными общими фразами.

Так как до сих пор полностью не приводились соответствующие тексты из рассматриваемых изданий Божидара Вуковича и Ивана Федорова, то нелишне привести их здесь.

Молитвослов. Венеция, 1520

Изволением отъца и съспешениемъ сына и съвршениемъ светаго духа...

... видехъ съставляющихъ божьствънаа писаниа на типарехъ Фруги же и Гръкы и иние езыки, желаниемъ въжде-লেখъ и наша сръбьскаа же и блъгарьскаа такожде на типарехъ съставити...

... ни поштадехъ отъ имени моихъ еже ми даль есть господь, доньдеже извести ми дело на съвршение...

... съвршише се сие светые книги...¹²

Апостол. М., 1564

Изволением отца, и спешением сына, и совершением святого духа...

... начат помышляти, какобы изложити печатныя книги, якоже в греках, и в Венеции, и во Фригии, и в протчих языцех, дабы впрод святыя книги изложилися праведне...

... и нещадно даяше от своих царских сокровищ делателем... дондеже и на совершение дело их изыде...

... и первее начаша печатати сия святыя книги... совершени же быша...¹³

⁹ Там же. Следует упомянуть также статью Б. В. Сапунова «Первопечатник Иван Федоров как писатель» (ГОДРЛ, т. XIV. М.—Л., 1958, стр. 268—271). Исследователь считает Ивана Федорова автором послесловия 1564 г.; однако специально рассматривает не это послесловие, а действительно сочиненное первопечатником послесловие ко львовскому Апостолу 1574 г.

¹⁰ См.: М. Н. Тихомиров. Начало книгопечатания, стр. 21—22.

¹¹ См.: Е. Н. Немировский. Возникновение книгопечатания, стр. 25.

¹² Цит. по изданию послесловия в статье: С. Новаковић. Божидара Вуковића зборници за путнике издана позната и непозната. — Гласник српског ученог друштва, кн. XLV. Београд, 1877, стр. 133—135.

¹³ Апостол. М., 1564, лл. 260—261.

О южнославянском и итальянском влиянии на московский Апостол Ивана Федорова писали довольно много,¹⁴ и не это нас сейчас интересует. Примечательно то, что влияние венецианского послесловия на московский Апостол имеет фрагментарный характер. Заимствованы начальная и конечная формулы и еще два выражения о распространении печатных книг и о щедрости царя. Из этих заимствованных у более раннего издателя фраз нельзя составить связного рассказа, какой мы видим в издании Ивана Федорова. Связный рассказ федоровского послесловия о самом главном — о том, что делал царь, вводя книгопечатание в России, остается вне соответствий с послесловием Молитвослова Божицара Вуковича. Таким образом, первопечатное послесловие Ивана Федорова (называемое его так условно, потому что остается неясным, кто был его автором) ни по «букве», ни по «духу» нельзя свести к венецианскому послесловию почти полувековой давности сравнительно с Апостолом.

Теперь уместно вспомнить об отмеченных В. Е. Румянцевым и А. С. Орловым заимствованиях из сочинений Максима Грека.

Максим Грек

Апостол 1564 г.

... в них же растлешася ово убо от преписующих их пенаученых сущих и неискусных в разуме и хитрости граматикийстей, ово же и от самех исцерна сотворщих книжный превод приснопамятных мужей...¹⁵

Всяко даяние благо и всяк дар совершен свыше естъ исходяй от отца светом, богодохновенное писание учит ясне...¹⁶

... прочии же вси растлени от преписующих ненаученых сущих и неискусных в разуме, ово же и неисправлением пишущих...

... лаголаше, яко от бога извещение приемшу и свыше дар сходящ...¹⁷

Первое заимствование было замечено В. Е. Румянцевым, второе — А. С. Орловым. Но сам А. С. Орлов отметил, что перед нами «литургическая цитата, и поэтому мало показательна».¹⁸ И, действительно, это цитата не из Максима Грека, а из послания апостола Иакова, I, 17, напечатанного, кстати, в том же Апостоле Ивана Федорова: «... всяко даяние благо и всяк дар совершен, свыше естъ сходя от отца светом».¹⁹

В целом сопоставление послесловия к Апостолу 1564 г. с творчеством Максима Грека мало что дает, так как из всего громадного литературного наследия Максима Грека в изданиях Ивана Федорова использована, насколько известно, лишь одна фраза (первый раз в первопечатном Апостоле, второй раз в послесловии ко львовскому Апостолу 1574 г.: «... яко ж обычай естъ злонравных и ненаученых и неискусных в разуме человек, ниже грамотическия хитрости навывкше, ниже духовного разума исполнени бывше»)²⁰. К тому же нельзя быть полностью уверенным, что эта фраза принадлежала перу именно Максима Грека и была заимствована именно у него. Возможно, Максим Грек, в свою очередь, использовал «ходкую» фразу. Так или иначе, но отсюда следует, что главным «фоном» для федоровского послесловия было что-то иное, чем сочинения Максима Грека.

¹⁴ Ср., например: М. Н. Тихомиров. Русская культура X—XVIII веков. М., 1968, стр. 311—313, 325—326.

¹⁵ Слово отвещательно о исправлении книг русских. — Сочинения Максима Грека, ч. 3, Казань, 1862, стр. 62.

¹⁶ Послание к царю Василию III. — Там же, ч. 2, Казань, 1860, стр. 296.

¹⁷ Апостол М., 1564, л. 260 б.

¹⁸ А. С. Орлов. К вопросу о начале печатания в Москве, стр. 18.

¹⁹ Апостол. М., 1564, л. 56 б.

²⁰ Апостол. Львов, 1574, л. 260.

Направление поисков подсказывают замечания академиков А. С. Орлова и М. Н. Тихомирова, связывавших послесловие 1564 г., по сути дела, с официальной письменностью того времени.

Памятников русской официальной письменности середины XVI в., к сожалению, немного. Главными являются: 1) Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича 1553—1555 гг., 2) Никоновская летопись, 3) Степенная книга, 4) Стоглав, 5) Великие Четьи мшени митрополита Макария, 6) послания и речи Ивана Грозного, 7) послания митрополита Макария. Фактически же число памятников официальной литературы, сопоставимых с послесловием к первопечатному Апостолу, еще меньше. Степенная книга, с ее хронографическим стилем, не обнаруживает сходства с первопечатным послесловием, где, по словам академика А. С. Орлова, «все умеренно, все обладает наибольшим тактом — и цитация и само изложение — как будто бы сделано для гравировки на монументальном памятнике. Все содержательно, строго, просто, и ничего лишнего».²¹ Из посланий и речей Ивана Грозного и митрополита Макария имеют черты сходства с послесловием лишь те, которые входят в состав Летописца начала царства, включенного в свою очередь в Никоновскую летопись. Следовательно, основное внимание предстоит обратить на Летописец начала царства, некоторые статьи Никоновской летописи, Стоглав и Великие Четьи мшени.

Послесловие к московскому Апостолу Ивана Федорова 1564 г. является своего рода повестью о царе. По повелению Ивана Васильевича, как повествует послесловие, воздвигают многие церкви; царь украшает их, велит в церквях полагать купленные святыя книги, узнает о неисправности книг рукописных и помышляет, «како бы изложити печатныя книги»; возвещает свою мысль митрополиту Макарию и после его одобрения повелевает изыскивать мастеров печатного дела и устраивает дом, «идеже печатному делу строитися». Такого основного развития повествования в федоровском послесловии, не находящее никаких аналогий — о чем уже было сказано — в послесловиях изданий Божидара Вуковича.

Аналогичное развитие повествования зато находим в двух памятниках официальной литературы XVI в. — в Летописце начала царства и в Стоглаве; причем в Летописце сходство наблюдается не однажды, но в двух отрывках. Покажем это в таблице (подчеркиваем, что речь идет не о текстуальном, а о «повествовательном» сходстве).

Апостол 1564 г.	Летописец начала царства	Стоглав
<p>... повелением благочестиваго царя и великаго князя Ивана Васильевича ... многия святыя церкви воздвизаемы бываху ... он же начат помышляти, како бы изложити печатныя книги ... И тако возвещает мысль свою преосвященному Макарию митрополиту всея Русии. Святытель же слышав зело</p>	<p>Повесть о поставлении града Свяязского, под 1551 г.</p> <p>Великий по благодетности царь государь князь великий Иван Васильевич всея Русии виде ... многим церквам святым запустение ... и почал мыслити, чтобы город поставити на Свяязском устье ... И мысль свою ми-</p>	<p>Статья о препесении мощей святых в Свяязск, под 1552 г.</p> <p>... крепкий душею государь и храбр в мысли речет: всяко бо даяние благо и вся дар свершен исходяй отца свегом ... И приходит царь в соборную церковь ... и возвещает митрополиту настоящая. Советует митропо-</p>
		<p>... царь Иван ... подвижася ... о многоразличных церковных исправлений, и возвещает сие отцу своему преосвященному Макарию митрополиту всея Руси и собор божиих слуг совокупити повеле вскоре ... сия слы-</p>

²¹ А. С. Орлов. К вопросу о начале печатания в Москве, стр. 18.

возрадовался .. царю глаголаше, яко от бога извещение приемшу и свыше дар сходящ. И тако ... начаша изыскивати мастерства печатных книг ... повеле устроить дом ... идеже печатному делу строятся ... даяше ... диякону ... на составление печатному делу...²²

трополиту сказал ... И митрополит царя государя благословляет, а говорит государю ... И начинает государь и делу касаецса, призывает к себе дияка своего...²³

лит государю ... Царю же благочестивому ... делу касаются ... и избирают царь и святитель мужа изрядна...²⁴

шавъше, всея Рускиа земля архiereи с радостию неизглаголанною объяти бывше...²⁵

Как видно из таблицы, речь идет о разных эпизодах из жизни Ивана Грозного: он вводит книгопечатание, возводит город Свияжск, содействует перенесению мощей святых, занимается церковными исправлениями. Но о всех этих эпизодах разные по жанру памятники рассказывают, тем не менее, сходно, отражая официальные нормы, литературный этикет в описании деяний царя.²⁶

Отражение этой официальной манеры повествования в Апостоле 1564 г. заметно не только по «сюжету» его послесловия, но и по отдельным формулам и выражениям в нем.

Для того чтобы найти параллель начальной формуле послесловия Апостола — «Изволением отца, и споспешением сына, и совершением святого духа, повелением благочестиваго царя и великаго князя Ивана Василиевича...», — не нужно обращаться к изданиям Божидача Вуковича. Сходной формулой начинались русские официальные документы и выступления торжественного характера. Например, речь царя Ивана Грозного к митрополиту Макарию и к царской семье о взятии Полоцка, внесенная в Никоновскую летопись под 1563 г.: «А говорити ... велел государь царь и великий князь ...: Благоволением бога и отца, и споспешением сына и действием святого духа».²⁷ Так же начиналась, например, и соборная грамота о белом клобуке 2 февраля 1564 г., также включенная в Никоновскую летопись: «... благоволением отца и споспешением сына, и действием святого духа ... приахом скипетры российскаго царства мы, государь царь...».²⁸

²² Апостол. М., 1564, лл. 260—261.

²³ ПСРЛ, т. 29, М., 1965, стр. 59—60. См. также: ПСРЛ, т. XIII, вып. 1. СПб., 1904, стр. 163; ПСРЛ, т. XIII, вып. 2. СПб., 1906, стр. 463—464. Тексты отрывков из ранней редакции Летописца, приводимые здесь и далее, ничем принципиально не отличаются от соответствующих текстов Летописца поздней редакции и текстов его в составе Царственной книги.

²⁴ ПСРЛ, т. 29, стр. 74. См. также: ПСРЛ, т. XIII, вып. I, стр. 179; ПСРЛ, т. 13, вып. 2, стр. 478—479.

²⁵ Царския вопросы и соборныя ответы о многоразличных чинех. (Стоглав). Изд. Н. Субботина, М., 1890, стр. 17—18.

²⁶ О литературном этикете, в том числе XVI в., см.: Д. С. Лихачев. Литературный этикет древней Руси. — ТОДРА, т. XVII. М.—Л., 1961, стр. 5—16; О. В. Творогов. Задачи изучения устойчивых литературных формул древней Руси. — ТОДРА, т. XX, М.—Л., 1964, стр. 29—40. Об официальном характере «Летописца начала царства» см.: Д. С. Лихачев. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.—Л., 1947, стр. 362—370; А. А. Зимин. И. С. Пересветов и его современники. Очерки по истории русской общественно-политической мысли середины XVI века. М., 1958, стр. 29—41.

²⁷ ПСРЛ, т. 13, вып. 2. СПб., 1906, стр. 360; см. также: ПСРЛ, т. 29, стр. 315; АИ, т. I. СПб., 1841, № 168, стр. 321.

²⁸ ПСРЛ, т. 13, вып. 2, стр. 378; см. также: ПСРЛ, т. 29, стр. 330; АИ, т. I, стр. 331—332. То же и в Стоглаве: «Иже всedrъжителя бога и отца благоволением иже к нам ... сына его ... и споспешением и действием пресвятаго ... духа». — Стоглав, М., 1890, стр. 21.

Другое выражение федоровского послесловия — о щедрости царя по отношению к печатникам — «и нещадно даяше от своих царских сокровищ делателем» — тоже имеет свою аналогию в Никоновской летописи, например, в статье «О позлащении верха у церкви в Сергиеве» под 1556 г.: «... позлащен бысть верх у церкви ... в обители преподобнаго чудотворца Сергия повелением благовернаго и христолюбиваго царя великого государя Ивана Васильевича всея Руси самодержца ... нещадною десницею украшение церковное любяше».²⁹ Аналогичное выражение о «нешадной» щедрости встречается и в ином официальном памятнике середины XVI в., — в Великих Четвхх минеях митрополита Макария, в предисловии к которым митрополит всея Руси сообщает: «... а писал есми и събирал и в едино место их совокупляд дванадесать лет многим имением и многими различными писари, не щадя сребра и всяких почестей, но паче же многи труды и подвиги подъях».³⁰

Любопытно, однако, что аналогии к послесловию Апостола 1564 г. отыскиваются преимущественно в Летописце начала царства, причем в статьях, посвященных созидательной работе царя: строительству города Свияжска, созданию других городов, возведению церквей, литью колоколов и пр.

Где, например, находим эпитет, аналогичный употребленному в послесловии к Апостолу — «в новопросвещенном месте во граде Казани»? В Летописце начала царства, в статье о приходе и пребывании царя в только что построенном городе Свияжске, «в новопросвещенном месте», «в богом дарованней ему отчине и в новопросвещенном месте».³¹ Так дважды повторяет это словосочетание статья Летописца.

Или где, например, можно найти аналогии одной из формул, использованной в конце московского первопечатного Апостола — «начаша печатати сия святыя книги ... в лето ... совершени же быша в лето»? Эта часто повторяющаяся формула летописных статей о созидательной деятельности Василия III и Ивана Грозного в особенности характерна для «Летописца начала царства». В тексте до Летописца Никоновская летопись обычно сообщает лишь дату завершения работы; в Летописце же указывается на целый процесс, с его началом и концом: «В лето ... начаша делати раку святым, и доделаша раку святаго ... в лето...», «почал град делати ... месеца ..., а доделаша его того же лета, месеца...», «а церковной мастер почал делати и съвършил...» и мн. др.³²

Интересно было бы сопоставить надписи русских мастеров на зданиях и изделиях XVI в. с федоровским послесловием к московскому Апостолу и тем самым выяснить его отношение к нормам торжественных графитов мастеров-ремесленников XVI в., очевидно, тоже восходящих к официальному стилю. Ведь Иван Федоров был очень высокого мнения о своем деле. Но, к сожалению, надписи XVI в. не собраны; такая работа проделана лишь с надписями по XV в. включительно.³³

С созидательной деятельностью царя как будто связана еще одна официальная формула в первопечатном послесловии: «И сие доиде и царю

²⁹ ПСРЛ, т. 13, вып. 1, стр. 273; см. также: ПСРЛ, т. 29, стр. 249.

³⁰ ВМЧ, Сентябрь. СПб., 1868, стр. II. Приношу благодарность Я. С. Лурье, любезно указавшему мне на это предисловие, а также на текст Летописца в Царственной книге.

³¹ ПСРЛ, т. 29, стр. 94; ПСРЛ, т. 13, вып. I, стр. 201.

³² ПСРЛ, т. 29, стр. 16, 18, 25, 26 и др.; ПСРЛ, т. 13, вып. I, стр. 91—92, 95, 109, 110, 111, 145, 161 и др.

³³ См.: А. С. Орлов. Библиография русских надписей XI—XV вв. (С доп. М. П. Сотниковой). М.—Л., 1952.

в слух, он же начат помышляти...». Так же «доходит в слух» царю весть о чудесном пении и звонах, знаменующих место постройки Свияжска, в «Летописце начала царства»: «Се же убо и вниде слухом и до самого царя благочестиваго государя нашего; государь же помышляющеи».³⁴ Так же «доходит в слух» царю известие о неправильных церковных звонах в изложении Стоглава: «Некогда вниде в слухи боговенчаннаго и христолюбиваго царя... что по многим святым Божиим церквам звонят и поют не во время... Он же боголюбивый царь о том таковая слыша...».³⁵

Пусть отдельные из приведенных формул и выражений, может быть, исползуются иногда и в других памятниках XVI в., но в комплексе приведенные примеры убеждают, как мне кажется, в том, что послесловие к московскому Апостолу Ивана Федорова 1564 г. было написано в стиле официальных произведений 1550—1560-х годов. Недаром ту цитату из послания апостола Иакова, которая в послесловии вложена в уста митрополита Макария («свыше дар сходящ»), повторяют в сочинениях XVI в. лишь цари, митрополиты и церковные соборы, например, Иван Грозный — в «Летописце начала царства» и в «Стоглаве» («государь... речет: всяко бо даяние благо и всяк дар свершен исходяй отца светом»;³⁶ «светолучными своими зарями осия в сердца благочестиваго царя... всяко бо даяние благо и всяк дар съвершен, свыше есть сходяй»³⁷).

С памятниками официально-торжественного стиля федоровское послесловие роднит еще следующая стилистическая черта. Нетрудно заметить, что важное место в послесловии занимают довольно длинные перечни, перечисления, нанизывание однородных членов: «Изволением отца, и споспешением сына, и совершением святаго духа, повелением... царя... и благословением... митрополита... церкви воздвигаеми бываху во царствующем граде Москве, и по окрестным местом, и по всем градом царства его, паче же в новопросвященном месте во граде Казани и в пределех его. И сия вся... царь украшаше честными иконами, и святыми книгами, и сосуды, и ризами и прочими церковными вещами по преданию и по правилом святых апостол и богоносных отец и по изложению благочестивых царей... великаго Константина, и Устиниана, и Михаила, и Феодоры, и прочих благочестивых царей» и т. д. Чтобы указать все случаи перечисления, в сущности надо переписать все послесловие.

Склонность к подобного рода перечислениям не является индивидуальной особенностью первопечатного послесловия. Такое нанизывание однородных членов — характерная черта официальных посланий, торжественных по своему тону, особенно митрополичьих посланий к царю. Покажем это на примере послания митрополита Макария к царю, в котором он благословляет царя и русское воинство «на брань» с казанскими татарами в 1552 г. и которое опять-таки включено в «Летописец начала царства»: «С своими о Христе детми и сослужебники нашего смирения, — обращается Макарий к царю, — со архиепископы и епископы, со архимандриты и игумены, и со всеми священными соборы руския митрополия, соборне, вси тебя, государя благословляем... подвизатися... за всех православных христиан, неповинне в плен веденных, и разхищенных, и всяческими бедами от них томимых, и многообразными

³⁴ ПСРЛ, т. 29, стр. 66.

³⁵ Стоглав М., 1890, стр. 75—76.

³⁶ ПСРЛ, т. 29, стр. 74; ПСРЛ, т. 13, вып. I, стр. 179.

³⁷ Стоглав, стр. 17—18. Ср.: этой цитатой начинаются Деяния Виленского собора 1509 г. (АИ, т. I, № 289, стр. 524), послание киевского митрополита Иосифа 1518 г. (в кн. Собор, в богоспасаемом граде Вильни бывший. Львов, [около 1614], л. 1)

страстями оскверненных; и сих ради всех жалостий». Макарий желает царю покорить врага — «... молитвами святого и великаго Иоанна Предтечи, и святых верховных апостол Петра и Павла, и возлюбленного апостола Иоанна Богослова, и 12-ти и седмидесяти святых апостол молитвами... (далее перечисляется еще 19 святых) ... и всех благочестивых сродник ваших и прочих всех святых молитвами ... — продолжает торжественно Макарий, — ... да пребудете в чистоте, и в смирении, и в мудрости, и в целомудрии, и покаянии, и в прочих добродетелех ... в любви, и в послушании, и в страхе, и в мире, и в соединении, и в союзе на враги ... и прославлены и спасены быша: якоже благочестивый царь Костянтин, и благочестивый царь Феодосий Великий, и Феодосий юный, и прочии гречестии цари православнии...».³⁸ Думается, нет нужды приводить новые примеры, так как торжественный характер перечисления в послании Макария и в федоровском послесловии вполне ясен.

Из всего сказанного ясно, пожалуй, и место послесловия Апостола 1564 г. в русской литературе того времени: оно написано в стиле официальных произведений середины XVI в., и этот характер послесловия находится в соответствии с общим торжественно-официальным внешним видом первой русской печатной книги. (Приходится, кстати, с сожалением отметить, что связь Апостола 1564 г. с произведениями русского искусства XVI в., прежде всего с произведениями и изделиями торжественно-официального характера, прослежена еще далеко недостаточно и составляет особую тему, которой в данной статье коснуться нет возможности).

Но сравнительно с официальными историческими произведениями середины XVI в., в стиле которых оно написано, послесловие 1564 г. отличается краткостью или сокращенностью. Там, где в официальной литературе следуют очень длинные перечни, большие цитаты из Библии, большие речи царя и митрополита, перемежающие изложение их деяний, в первопечатном послесловии перечни умеренны, формулы кратки, библейская цитата единственна и сокращена, речь митрополита лаконична и состоит буквально из шести-семи слов. Отсюда впечатление какой-то особой стройности и «подтянутости» послесловия московского Апостола Ивана Федорова, которое возникает при чтении его в наше время.

В федоровском послесловии соблюдены все нормы и до мелочей сохранена принятая в официальных сочинениях композиция рассказов о деяниях царя, однако каждый элемент композиции сокращен и нередко выражен минимумом словесных средств. Послесловие 1564 г. фактически представляет собой «выжимку» обычного, официального рассказа о царе середины XVI в. и из-за этой черты, которую можно назвать краткостью или «сокращенностью», стоит особняком в древнерусской литературе, так как «сокращенностью» не отличаются другие произведения, написанные в указанном стиле.

Более того, «сокращенность» роковым образом усугубила одинокость федоровского послесловия, способствуя непопулярности этого произведения в древнерусской письменности и, если можно так выразиться, в печати древней Руси. Влияния федоровского послесловия мы не находим нигде, даже в сказаниях XVII в., посвященных истории книгопечатания на Руси и пересказывающих некоторые факты из федоровского же послесловия.³⁹ Из-за недостаточной риторичности, — что на наш современ-

³⁸ ЛИ, т. I, № 160, стр. 290—293; ПСРЛ, т. 29, стр. 86 и сл.

³⁹ См. послесловие к Трехфологгону за март—май (М., 1638, л. 408 и сл.). см также «Сказание известно о воображении книг печатного дела», изданное Т. Н. Про-

ный вкус является скорее достоинством, чем недостатком, — это произведение не привлекало к себе внимания древнерусских книжников.

Если в послесловиях к изданиям ближайших последователей Ивана Федоровича, печатников Андроника Тимофеева Невежи и Ивана Андроникова Невежи, изредка и можно найти мелкие реминисценции из послесловия к Апостолу 1564 г.,⁴⁰ то все заимствованные фразы сильно рас-

тасевой и М. В. Щепкиной, в кн.: У истоков русского книгопечатания. М., 1959, стр. 198—214. Фразу о неисправности книг, помещенную в послесловии 1564 г., через сто лет использовал патриарх Иоаким, касаясь той же темы исправления книг в одном из своих поучений. Ср. список ГПБ, Соф. собр., № 1503, лл. 31—33.

⁴⁰ Федоровское послесловие было использовано: в послесловиях к Псалтыри 1568 г. Никифора Тарасиева и Андроника Тимофеева Невежи; к Триоди цветной 1591 г. того же Андроника Невежи и, наконец, к Триоди цветной 1604 г., напечатанной сыном Андроника Иваном Невежским. Все заимствования относительно мелки, касаются отдельных фраз федоровского послесловия. Например, в Псалтыри 1568 г. это упоминание о «ненаученых книгописцах», а в Триоди 1604 г. о «делателях печатного дела».

Апостол 1564 г.

... в растлени от преписующих ненаученых сущих и неискусных в разуме овоже и неисправлением пишущих (л. 260 б).

Апостол 1564 г.

Благодарный же царь повеле устроити дом от своєю царския казны идеже печатному делу строитися и нещадно дающе от своих царских сокровищ делателем... (л. 260 б).

В Триоди цветной 1591 г. заимствования из Апостола 1564 г., с переделками и перестановками, несколько больше. Но если в Апостоле обращение царя к митрополиту за советом и ответ митрополита являются центральным эпизодом, то заимствованное в пространном послесловии Триоди упоминание об обращении царя и ответе церковников тонет среди иных сообщаемых фактов и в риторике общих рассуждений. Приводим только непосредственно соответствующие места.

Апостол 1564 г.

... в растлени от преписующих ненаученых сущих и неискусных в разуме ово же и неисправлением пишущих ... и тако возвещает мысль свою преосвященному Макарию митрополиту всея Русии. Святитель же слышав зело возрадовался и богови благодарение воздав царю глаголаше... (л. 260 б).

В речи церковников царю Триодь 1591 г. заимствует также некоторые выражения Апостола 1564 г.: «пресвятаго духа благодать и вас свыше осени...» (л. 247. Ср. в Апостоле: «... и свыше дар сходящ» — л. 260 б.); «... паче же в новопросвещенных землях, которые вам бог дал: во граде Казани ... и во окрестных их градах и местех» (л. 247. Ср. в Апостоле: «... и по окрестным местом ... паче же в новопросвещенном месте во граде Казани и в пределах его...» — л. 260). В общем же Псалтырь 1568 г. и обе Триоди цветные 1591 и 1604 гг. используют из послесловия первопечатного Апостола Ивана Федорова лишь незначительные отрывки и отдельные фразы, и этим исчерпываются все известные нам случаи влияния федоровского послесловия в древнерусской письменности и печати.

Псалтырь 1568 г.

... ко очищению и ко исправлению ненаученых и неискусных в разуме книгописец... (л. нн. 290 б).

Триодь цветная 1604 г.

... и свое царское безчисленное сокровище ... изобильно простирает ... делателей же преславнаго сего печатнаго деле преизобильно своими царскими уроки повсегда удовляя и дом превелик устроити повеле в нем же ... печатному делу совершатися... (л. 2 б послесловия).

Триодь цветная 1591 г.

... и то благое желание мысли своєю возвещают отцу своему святейшему Иову патриарху московскому и всея Русии ... дабы ... святяя книги свидетельствованы и исправлены были и печатного дела писмены исполнены понеже во многих летех от преписующих неученых человек неправлены. Сия же они слышавше вси вкупе богу благодарение воздаша... цареви рече... (л. 246 б).

пространены. Лаконичность федоровского послесловия явно не удовлетворяла печатников.

Недаром — в противоположность судьбе первопечатного послесловия — тексты менее «знаменитых» послесловий и предисловий к изданиям Ивана Федорова после 1564 г., уже намного более многословные, нравились древнерусским авторам гораздо больше. Например, риторичное послесловие к Часовнику Ивана Федорова, вышедшему в Москве через год после Апостола, в 1565 г., целиком было использовано в ряде изданий последующих русских печатников. Или, например, конец предисловия к острожской Библии Ивана Федорова 1581 г. был перенесен затем в известное «Сказание» Авраамия Палицына.⁴¹ Использовалось и послесловие ко львовскому Апостолу Ивана Федорова 1574 г.⁴²

Итак, приходится заключить, что послесловие к Апостолу Ивана Федорова 1564 г. стоит в известной мере особняком в древнерусской литературе. Тяготея к стилю официальных произведений середины XVI в., оно отличается от них «сокращенностью» — чертой, не отмеченной больше ни для какого иного произведения данного круга. Относясь по жанру к книжным послесловиям и предисловиям, послесловие 1564 г. и тут занимает особое место.

⁴¹ Ср. соответствующие тексты: предисловие к Библии, написанное Герасимом Даниловичем, и концовку окончательной редакции «Сказания» Авраамия Палицына.

Предисловие к Библии

Сие предсловице прозрев, мой господине читателю благочестивый, приеми, якоже хочещи; токмо молю: мене, недостойнаго ненаучения ради не възненавиди, ни поноси, но паче, яко праведник, покажи милостию и обличи; готов есмь прияти паче нежели грешника едем главу мою мастяща. Вем убо, вистинну вем, яко сия вся превьсходящая вещь требоваше кратших глагол, множайшаго разума. Аз же съставих, елико могох умалением си смысла, ибо училища николи же видех. Но понеже людие молчат, камение вопити понудися. И аще своею волею дръзнул бых на сие, безответен убо был бых, но повеления благочестиваго князя отрещися отнудь не възмогах. Обаче же сиевая вещь искусных понуждает показати образ лучшаго, ненаказанных же влечет к учению, нерадивых же и самомнивых ничтоже ползует. (Библия. Острог, 1581, л. ин. 7).

«Сказание» Палицына

Вы же, о избрании о Христе по предведению божию сся пречесгыя и великие лавры отцы и братие священствующии ииофы и вси согласующиися к соединяущиися православию всякого чина христоминитые людие, сию книжицу прочитающе, примете, яко же хочете, но убо спасения вашего путь избобрегайте, ко господу же и богу и свягым его и избранным хвалу воздавайте. Мене же недостойнаго и ненаказанаго не възненавидите, ни понесите, но паче яко праведницы милостыни покажите и обличите, готов есмь прияти, нежели грешника едем главу мою мастяще. Вем убо вонстинну, яко сия предлежащая вещь требоваше кратких словес, множайша же разума. Аз же изложих, елико возмогах, умалением си смысла убо и училища николи же видех, понеже глаголемо есть: «Аще веления божия чловецы умолчат, камение волиги понудитца». Обаче сиевая искусных понуждает показати образ лучшаго, ненаказанных же влечет ко учению и от зол возражанию, нерадивых же и самомнивых ничто же ползует, яко же и аз, — увы! (Сказание Авраамия Палицына. Подготовка текста и комментарии О. А. Державиной и Е. В. Колосовой. М.—Л., 1955, стр. 249).

Взаимоотношения Авраамия Палицына с русскими печатниками и справщиками Печатного двора, в частности с Иваном Наседкой, — особая тема.

⁴² Ср. список этого послесловия в сборнике XVII в. Владимирского историко-художественного и архитектурного музея-заповедника 5636/396, лл. 208—212 об. Приношу благодарность О. А. Белобровой, любезно сообщившей мне о существовании этого списка.

Развитие жанра русских старопечатных предисловий и послесловий к книгам пошло иным путем; послесловие, напоминающее своего рода краткую повесть о царе, больше в истории русского книгопечатания не повторялось. До середины XVII в. наметилось две линии развития послесловий и предисловий. У последователей Ивана Федорова, печатников Андроника и Ивана Невежи, послесловия имеют справочно-пояснительный характер, по мере усиления которого послесловия и предисловия превращаются в своеобразный общий комментарий к содержанию выпускаемой книги. Другая линия развития послесловий как жанра представлена изданиями печатников «Смутного времени», — Онисима Радишевского и Никиты Феофанова, у которых послесловия становятся проповедями, похвальными словами, как бы произносимыми по поводу бурного времени, когда появились их книги.

В середине XVII в., во время патриаршества Никона, руководившего, как известно, большой работой по исправлению церковных книг, форма предисловий и послесловий получает большее единообразие. Окончательно побеждает, если так можно выразиться, линия Андроника и Ивана Невежи, а не эмоциональная линия Радишевского, слишком тесно связанная с временем «Смуты». Предисловия и послесловия становятся более деловитыми и сухими. Но зато к некоторым изданиям прилагаются стихотворные предисловия, сочиненные по украинскому образцу, так как в украинских изданиях практика послесловий и предисловий была гораздо более разнообразной и они носили более литературный характер, чем в изданиях русских.

Однако с начала 80-х годов XVII в. полностью побеждает прикладная, деловая линия в развитии предисловий и послесловий. Послесловия уже почти не употребляются. Все заменяют предисловия, которые сжимаются в небольшие тексты, составленные по единообразной форме и умещающиеся на титульном листе книги.

В чем же причина одиночества послесловия 1564 г. в литературе и в «печати» древней Руси? Думается, в том стиле середины XVI в., которому следовало послесловие, но который довольно быстро устарел.

Не свидетельствует ли «сокращенность» послесловия о том, что уже в начале 60-х годов XVI в. несколько изменилось отношение к стилю официального повествования середины XVI в. и он стал представляться менее авторитетным, чем раньше? Чтобы ответить на этот вопрос, требуется специальное изучение эволюции стиля официальных исторических произведений XVI в.;⁴³ пока же это только предположение; в связи с ним

⁴³ Пока мы не располагаем подробной картины развития официального литературного стиля XVI в. Общие наблюдения см. в кн.: Д. С. Лихачев. Человек в литературе древней Руси. М.—Л., 1958, стр. 107—114. Ср. также частные наблюдения над тем, как восхваляли царей в посланиях XVI в. в статье А. С. Демина «Отрывки из неизвестных посланий и писем XVI—XVII вв.» (ТОДРА, т. XXI. М.—Л., 1965, стр. 188—189). Что же касается «сокращенности» послесловия к Апостолу 1564 г., то она объясняется и явно формальными соображениями Ивана Федорова. Дело в том, что первопечатник очень заботился о конструкции своей книги. Все тексты его Апостола четко разделяются на главные и на вспомогательные. Первые — апостольские деяния и апостольские послания — выделены богатыми украшениями: большими заставками, вязью, инициалами. Вторые — преимущественно так называемые «Сказания» к апостольским посланиям, играющие роль кратких предисловий к посланиям и поясняющие, когда и кем писано послание и каково его основное содержание, — украшены гораздо скромнее. Они выделены только малыми заставками. Других украшений «Сказания» не имеют: это тексты вспомогательные. Кстати, отсюда понятно, почему знаменитый фронтиспис, изображающий апостола Луку, помещен в Апостоле не в начале книги, что было бы привычнее для нас, а лишь через несколько листов: фронтиспис следует после всех вспомогательных текстов и служит украшением к главному тексту —

необходимо ответить на вопрос о возможных редакциях первопечатного послесловия: существовала ли первая, более пространная редакция послесловия, которую затем сократили, или же послесловие было написано в том виде, в каком вошло в Апостол 1564 г.? Этого в настоящее время мы не знаем: нет данных. Но бесспорно одно: самое раннее оригинальное печатное произведение на Руси было оригинальным и стилистически. Таков был первый вклад русского книгопечатания в литературу.

апостольским деяниям. Послесловие к Апостолу было для Ивана Федорова таким же вспомогательным текстом, как и «Сказания». Как и «Сказания», оно выделено только малой заставкой и сходно со «Сказаниями» по величине (полтора—два листа). Официальность издания требовала соответствующей соразмерности всех его частей. Недаром, по наблюдениям Е. Н. Немировского, Иван Федоров устранил из Апостола 1564 г. многие служебные материалы, входившие по традиции в рукописные тексты апостолов; избрал сокращенный вариант «сказания» к апостольским деяниям; опустил некоторые вспомогательные данные, если они не помещались на странице и пр. (Е. Н. Немировский. Возникновение книгопечатания в Москве, стр. 278—279, 281). Формальные соображения, когда дело касалось вспомогательных текстов, перед Иваном Федоровым явно стояли на первом плане. Интересно, что послесловие к менее официальному по оформлению львовскому Апостолу 1574 г., которое Иван Федоров написал, бесспорно, сам и которое также не является произведением официальным, занимает в книге более важное место. Оно не только раза в три больше московского послесловия, но — и это знаменательно — выделяется большой заставкой и инициалом и имеет особое заглавие: «Сия убо повесть изъясляет, откуда начася и како съвершися друкарня сия» (Апостол. Львов, 1574, л. 260). Теперь это целая повесть.